

Философский плюрализм: тотальный релятивизм или способ бытия человеческой мысли?

Философия — это мировоззренческое основание культуры, это признается всеми, но не все понимают, почему в современном мире вышла на первый план проблема неоднозначности, а вернее многозначности этого основания. В философских терминах это можно обозначить как противопоставление монизма плюрализму. Монизм предполагает однозначность и однонаправленность наших исследований, плюрализм предполагает иную стратегию, рассматривающую неоднородность и многозначность как неотъемлемые составляющие человеческой жизни, а значит и философии.

Почему же все-таки встает вопрос о выборе между монизмом и плюрализмом, а точнее об эвристических возможностях плюрализма? На мой взгляд, все дело в том, что под общими названиями: монизм и плюрализм скрываются совершенно определенные (по крайней мере, если не по содержанию, то по форме) понятия: реализм и релятивизм. Реализм соответствует монизму, а релятивизм — плюрализму.

Реализм, в данном случае, понимается не как однородное философское направление или область, а именно как мировоззренческое основание, это же относится и к релятивизму. Кратко реализм можно охарактеризовать как веру в существование реального мира, в человеческую способность адекватного, то есть истинного, постижения этого мира; представление о сознании как зеркале природы и языке как о знаковом средстве, призванном дать нам верное представление о реальности как она есть, и сделать так, чтобы это представление было доступно всем людям. При этом, самым важным для понимания реализма является его незыблемая вера в существование только одной истинной версии мира как он есть, соответственно, вера с существование только одной Истины, а, следовательно, одной науки, одной философии, одной религии, одной морали. При этом важно иметь в виду, что рационализм и

рациональность — это основные козыри реализма, на которые он делает ставку.

В противоположность реализму релятивизм исходит из совсем других предпосылок. Что касается вопроса о существовании внешнего мира, то в целом, можно сказать, что для релятивизма важно не то, существует этот мир или нет (хотя отрицать его существование никто не собирается), а то, можем ли мы, то есть люди, понять реальную сущность мира, можем ли мы постичь его таким, какой он есть на самом деле? Вот это главный вопрос для релятивизма. В данном случае, это не праздный вопрос, он был с особой ясностью поставлен наукой — релятивистской физикой, вставшей перед реальной проблемой соотношения наблюдателя и системы, выдвинувшей в результате принципы инструментализма и операционализма, говорящие о неразрывной связи между наблюдателем и теми инструментами, которые он использует для своего исследования с одной стороны, и результатами его исследования, то есть о картине изучаемого явления (реальности), с другой стороны.

С точки зрения релятивизма, не может быть одного единственного способа постижения и изучения мира, а, следовательно, не может быть одной картины этого мира. И дело здесь не в субъективизме исследователя, а в объективных характеристиках процесса познания как такового. Также релятивизм исходит из тезиса о множественности истин, понимания языка не как посредника, а как инструмента, помогающего нам взаимодействовать с миром, а также представлении о множественном, неоднозначном, плюралистическом понимании рациональности.

Итак, монизм как реализм и плюрализм как релятивизм предстают перед нами как совершенно противоположные мировоззренческие позиции. Как же, на каких основаниях можно осуществить выбор между ними, какую из них предпочесть, где найти для этого аргументы? Мне представляется, что, во-первых, нарисованная мной картина на самом деле есть лишь идеализация реального положения дел, но она позволяет уловить основные моменты этих позиций. Во-вторых, в XX веке были предприняты попытки синтеза реализма и релятивизма. В этой статье я и хочу представить две таких попытки, сделанные

Х. Патнэмом и Ст. Тулмином. В качестве представителей реализма и релятивизма я хочу предложить две точки зрения: Д. Сёрла и Р. Рорти соответственно.

Что касается попыток синтеза реализма и релятивизма и вопроса о выборе между философским монизмом и философским плюрализмом, то

здесь я буду исходить из следующего предположения. Мне представляется, что если использовать для решения этих вопросов диалектический метод Гегеля, то можно представить монизм в облике реализма как тезис, а плюрализм в облике релятивизма как антитезис, тогда концепции Х. Патнэма и Ст. Тулмина окажутся своеобразным синтезом. В данном случае, меня также интересует идея рациональности, я оговорила, что реализм исходит из единственного и однозначного понимания рациональности, в то время как релятивизм предполагает многозначное понимание рациональности. Если привлечь на помощь Гегеля, то становится очевидным, что человеческая мысль не стоит на месте, сущность мысли состоит в постоянном движении, в выдвижении тезиса, опровержении его в антитезисе и в синтезе тезиса и антитезиса, который затем снова превращается в тезис и так до бесконечности. Гегель в этом смысле сделал гениальное открытие. Если мы посмотрим на наш вопрос с этой точки зрения, то тогда станет очевидно, что сама постановка вопроса является неверной, ведь как можно спорить о преимуществах тезиса или антитезиса, если им на смену все равно придет некий антитезис. В данном случае важно не то, является ли концепция Патнэма или Тулмина идеальными и отвечающими на все вопросы, а дело в самом принципе. Мысль никогда не довольствуется заключением о противоречивости неких положений, теорий, мировоззренческих оснований, она всегда стремится найти некие примиряющие их точки соприкосновения. Конечно, не всегда такие попытки можно назвать удачными, но главное, что они есть.

Итак, моя точка зрения следующая: мы не можем сделать однозначного выбора ни в пользу монизма — реализма, ни в пользу плюрализма — релятивизма, скорее мы должны понимать, что человеческая рациональность — это уникальный феномен, присущий человеческому роду, и он безусловно интересен во всех своих проявлениях.

Итак, что же такое реализм для Д. Сёрля? Он пишет об этом в своей статье «Рациональность и реализм: что поставлено на карту?»* В этой статье Сёрль говорит о «Западной рационалистической традиции», которую как раз и можно описать в терминах реализма. Итак, эта традиция зарождается в греческой цивилизации, символом которой были «Элементы» Евклида, продолжает свое триумфальное шествие в эпоху Возрождения, где появляется идея систематических экспериментов, а затем начинает проявлять признаки своего преждевременного вырождения в сочинениях

* Д. Сёрль. Рациональность и реализм: что поставлено на карту? // Путь. 1994. №6. С.192-217.

Вольтера и Ницше, и далее в трудах Деррида, Рорти, Фуко и других постмодернистов.

Сёрль выступает в защиту «Западной рационалистической традиции», выступая однозначно против тех, кто ставит ее под сомнение. Он выдвигает следующие базовые положения, которые могут служить манифестацией этой традиции. Первое: «Реальность существует независимо от человеческих представлений»*. Сёрль разъясняет этот принцип так: люди могут спорить по разным поводам, и если их споры касаются мира культуры как сугубо человеческого образования, то они еще имеют смысл, но если мы будем говорить о природном мире, то это нечто такое, что никоим образом не зависит от человеческих мнений, представлений и желаний: солнце всходит и заходит, не обращая внимание на наши радости или горести.

Второй принцип следующий: «По крайней мере одна из функций языка состоит в том, чтобы передавать значения от говорящих к слушающим, и в ряде случаев эти значения позволяют говорить об объектах и положениях дел в мире, которое существует независимо от языка»**. Сёрль говорит об особом внимании, которое уделила философия сфере языка именно в XX веке, и что положил начало этому рассмотрению Г. Фреге. Сёрль не считает, что здесь все однозначно, но главное то, что для «Западной рационалистической традиции» всегда были важны коммуникативный и референциальный аспекты языка, вне зависимости от того, как она их понимала в разные исторические периоды.

Третий принцип, основополагающий: «Истина — это проблема точности отображения»***. Этот принцип выражают две на первый взгляд разные теории истины. Одна из них — корреспондентская или теория соответствия, она гласит: утверждение *p* истинно, если и только если *p* соответствует некому факту. Другая — теория раскавычивания (то есть теория Тарского) гласит: для любого утверждения *s*, которое выражает суждение *p*, *s* истинно если и только если *p*. Сёрль занимается подробным разбором и сравнением этих двух теорий, в результате чего приходит к выводу об их непротиворечивости. Для нас важно понимание Сёрлем теории соответствия. «Теория соответствия тривиально истинна и потому вводит нас в заблуждение, ибо мы думаем, что соответствие должно означать некое весьма общее отношение между языком и реальностью; но на самом деле оно является всего лишь сокращением для весьма разнообразных способов,

* Там же. С. 196.

** Там же. С. 197.

*** Там же. С. 199.

которыми утверждения правильно отображают действительное положение вещей. Утверждения обычно истинны в силу тех свойств мира, которые существуют независимо от этих утверждений»*.

Из этого высказывания становится отчетливо виден характер сёрлевского реализма. Получается, что слова каким-то непонятным, почти что сказочным образом верно отображают реальность, но не уточняется как же это происходит. На мой взгляд такое представление очень близко к наивному реализму, и человек, разделяющий его в конце XX века кажется несколько неадекватным. С упорством полагать, что в самой фундаментальной проблеме всей философии по сути дела и нет ничего проблематичного, это несколько странно.

Четвертый принцип гласит: «Знание объективно»**. В этом принципе для Сёрла самым важным является то, что личность исследователя, ученого, философа не накладывает никакого отпечатка на результаты исследований, если эти результаты верно отображают реальное положение дел в мире. В противном случае, мы никогда бы не могли говорить об истинности и общезначимости. Если же мы не будем принимать во внимания это правило, то тогда рискуем впасть в риторическое рассуждение, использующее недопустимый аргумент «от человека»: аргумент, направленный против человека, отстаивающего какие-то взгляды, а не против этих взглядов. Либо нас можно обвинить в генетической ошибке, которая заключается в предположении, что предосудительное происхождение теории или утверждения дискредитирует саму эту теорию или утверждение. Этот принцип направлен, как мне представляется, главным образом против проекта деконструкции Деррида, как раз предполагающего, что личность человека является неустранимой из его теоретических разработок, как бы он не старался быть объективным. Ведь в конечном счете часто оказывается, что человек искренне стремился к объективному знанию, к открытию истины и действительно это сделал, но изначально исходил из сугубо личных, индивидуальных предпосылок. Разве не об этом нам говорит все творчество экзистенциалистов?

Таковы основные принципы реализма и рационализма как их видит Д. Сёрль. Без сравнения с противоположной точкой зрения они кажутся очень здравыми и непротиворечивыми. Что бы увидеть их ограниченность, я предлагаю ознакомиться с философской позицией Р. Рорти, которого смело можно отнести к релятивистской мировоззренческой позиции, хотя

* Там же. С.201.

** Там же. С. 202.

при ближайшем рассмотрении его позиция оказывается менее однозначной.

Мне представляется целесообразным представить взгляды Рорти в сравнении с принципами «Западной рационалистической традиции» Сёрля. Итак, для начала необходимо разобраться со статусом реальности. Безусловно, Рорти бы не согласился с тезисом, о существовании реальности, независимой от наших представлений о ней. В данном случае, речь идет не о непосредственном существовании реальности, а именно о характере этого существования. Для нас — людей, реальность существует особым образом, она антропоморфна, как бы мы не пытались встать на точку некоего Всевидящего Взора и узреть ее истинную сущность.

Второй принцип Сёрля однозначно не согласуется с неопрагматизмом Рорти. Это отношение между языком и реальностью — излюбленная тема Рорти. С точки зрения Рорти человеческое познание — это не попытка соотнестись с истинной сущностью реальности, вместо этого его необходимо начать рассматривать как стремление обеспечить преходящие интересы и разрешить преходящие проблемы. Рорти исходит из дарвиновского описания человеческих существ как неких существ, которые стараются как можно лучше приспособиться к окружающей среде, совладать с нею, стараются создать для этого подходящие инструменты. Вот одним из таких инструментов как раз и является язык. «Слова — это тоже инструменты, созданные этими умными животными. Инструменты никак не могут нас лишить контакта с реальностью»*. Рорти предполагает, что если мы будем исходить из реалистического взгляда на мир, то согласно ему оказывается, что сознание с помощью языка призвано *отображать* мир, стараясь нарисовать как можно более реалистическую картину. (Именно об этом говорит третий принцип Сёрля.) Но если мы откажемся от картезианского представления о сознании как особой отображающей сущности, и примем версию о причинно-следственных, в противоположность репрезентационным связям, между сознанием и реальностью, то сами собой разрешаются многие проблемы.

В таком случае третий принцип реализма начисто отменяется, истина — это вовсе не проблема точности отображения. Рорти вообще предлагает отказаться от этого понятия, потому что оно имеет неверные коннотации, отсылает нас к тому содержанию, которое мы уже не разделяем. В этом смысле Рорти говорит о различных «словарях» как способах описания мира. Ни один из этих способов не лучше и не хуже

* Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст / Отв. Ред. А.В. Рубцов М.: Изд-во «Традиция», 1997. С. 24-25.

другого, просто все дело в том, что мы никак не можем отделаться от словаря наших предков, никак не можем понять, что старые смыслы не соответствуют новому положению вещей. Истина трактуется Рорти не как универсальное, а как в лучшем случае локальное понятие: то, что истинно в одном словаре, вовсе не обязательно будет таковым в другом. Истина скорее приобретает традиционные для прагматизма черты — становится полезностью. Но не надо забывать, что для прагматизма, по крайней мере, в версии Рорти, не существует четкого разграничения между теоретической и практической сферами, поэтому полезное в теории всегда должно быть таковым и на практике, иначе оно не имеет смысла. Ведь единственное, к чему мы стремимся — это счастье, поэтому истинное есть полезное, то есть делающее нас счастливее. (Такого рода связи и не снились истинному реализму и рационализму, уповающим на абсолютный авторитет Разума и Истины.)

И, конечно, Рорти бы совершенно не согласился с четвертым принципом Сёрла. Знание вовсе не объективно, если мы отказываемся от картезианско-локковского представления о сознании, если понимаем язык как инструмент, а истину как полезность. Но, в данном случае, важно, что Рорти старается не просто сказать, что знание и познание тогда понимаются как субъективные, нет, он вообще не хочет мыслить в таких дистинкциях. Он провозглашает себя антидуалистом, то есть мыслителем, старающимся избежать ненужных крайностей: объективного и субъективного, истинного и ложного, найденного и сделанного. Вместо этого надо попытаться выйти из прежнего словаря и придумать новый или придать словам старого словаря новые смыслы. Как считают многие критики Рорти, такой выход из положения скорее является ловким отказом отвечать на поставленный вопрос, но каждый имеет право на свое мнение, оставим это право и за Р. Рорти.

Итак, что касается Х. Патнэма, то мы его определили как занимающего промежуточное положение между реализмом и релятивизмом, пытающегося осуществить их синтез. Как же ему это удастся? Попробуем подробнее рассмотреть его позицию. Переводчица и исследователь творчества этого американского мыслителя Л.Б. Макеева выделяет различные периоды его философской биографии. В соответствии с этой классификацией получается, что Х. Патнэм прошел как минимум через три концепции реализма, а именно, сначала он придерживался точки зрения «научного реализма», схожей с точкой зрения Сёрла, затем он стал отстаивать концепцию «внутреннего реализма» в противоположность «метафизическому реализму» и, наконец, пришел к выводу о том, что

наиболее приемлемым является «естественный реализм». В данной статье я не буду подробно рассматривать особенности этих позиций, а сосредоточусь главным образом на противопоставлении «внутреннего реализма» «метафизическому реализму» в трактовке Х. Патнэма.

На мой взгляд «внутренний реализм» — это и есть синтез «метафизического» (или «научного реализма») и релятивизма. В целом можно сказать, что Патнем не приемлет релятивизма в духе Р. Рорти, считая его внутренне непоследовательным и самоопровергающимся. Так он пишет, что «... несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует»*. Другими словами Патнем подмечает, что всякий последовательный релятивизм постепенно впадает в очевидное противоречие, (так же, как и скептицизм) потому что, провозглашая тезис об абсолютном плюрализме теорий, взглядов и точек зрения, он тем самым вынужден воздерживаться от оценочных высказываний, что на самом деле оказывается неосуществимым. Кроме этого, Патнем критикует философский релятивизм в лице таких его представителей, как Ницше и Фуко за непоследовательное, по его мнению, отождествление рационального дискурса с властным, это кажется Патнэму чрезмерным допущением.

Что же не приемлет Патнем в «метафизическом реализме»? Реализм для него предстает в виде четырех основных положений. Они следующие:

1. Признание независимой от сознания реальности. Согласно Патнэму, метафизический реализм предполагает, что «мир состоит из некоторой фиксированной совокупности независимых от сознания объектов».

2. Объективное понимание истины. По мнению Патнэма, метафизический реалист считает, что истина — это «некоторый вид отношения соответствия между словами и знаками мыслей, с одной стороны, и внешними предметами и множеством предметов, с другой стороны».

3. Независимость истины от позиции «наблюдателя». Согласно Патнэму, такое понимание истины предполагает взгляд на мир с точки зрения Бога (находится вне мира и способного сравнивать объекты мира и мысли человека), или, иначе говоря, метафизический реализм считает истину независимой от наблюдателя.

4. Единственность истинного описания. Метафизический реализм, согласно Патнэму, связан с признанием возможности только одной

* Аналитическая философия: становление и развитие (антология). Пер. с англ., нем. М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. — С.450.

истинной картины мира или, иначе говоря, только одного описания мира, каков он есть на самом деле*.

Ответ на эти принципы «метафизического реализма» Патнэм предлагает свой вариант «внутреннего реализма» или интернализма, который Макеева видит следующим образом:

1. В отличие от метафизического реалиста интерналист считает, что «... вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описания». Это означает, что «Объекты» не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разрезаем мир на объекты, когда вводим ту или иную схему описания. Поскольку и объекты, и знаки являются одинаково внутренними по отношению к схеме описания, то можно сказать, что к чему относится».

2. Согласно интерналисту, истина — это «некоторый вид (идеализированной) рациональной приемлемости, некоторый вид идеальной когерентности наших представлений друг с другом и с нашим опытом, поскольку этот опыт находит выражение в нашей системе представлений». Поэтому единственным критерием для установления того, является ли некоторое утверждение фактом (то есть, является ли оно истинным), служит его рациональная приемлемость. Патнэм отмечает, что понимает это в буквальном смысле: «так, если можно рационально принять, что картина прекрасна, то это может быть фактом, что картина прекрасна». Согласно Патнэму, наши концепции когерентности и рациональной приемлемости глубоко укоренены в нашей психологии, зависят от нашей биологии и культуры и ни в коем случае не являются «ценностно независимыми».

3. Согласно интерналисту, «не существует точки зрения Бога, которую мы можем знать или можем представить; существуют только разнообразные точки зрения конкретных людей, отражающие их разнообразные интересы и цели, которым служит теория истины и описания».

4. В отличие от метафизического реалиста интерналист полагает, что возможно множество истинных теорий или описаний мира**.

Суть «внутреннего реализма» Патнэма, на мой взгляд, раскрывается именно во втором положении. Как мы уже сказали, он пытается осуществить синтез реализма и релятивизма, что выражается в понимании истины как идеализированной рациональной приемлемости. Патнэм пытается объединить когерентную и корреспондентскую теории истины:

* Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. — М., 1996. — С. 81.

** Там же. С. 87-88.

наши утверждения должны согласовываться друг с другом и с опытом, а свидетельством того, что нечто представляет собой факт, то есть является истинным, служит его рациональная приемлемость. Получается, что мы расцениваем некую теорию или убеждение как истинные именно в силу того, рациональны они или нет. Патнэм явно привносит аксиологическую проблематику в свою теорию познания, что он и провозглашает, говоря о ценностной нагруженности фактов, вопреки мнению неокантианцев.

Что касается Ст. Тулмина, то я не буду подробно анализировать его концепцию рациональности, но все-таки остановлюсь на некоторых ее отличительных особенностях. Тулмин предлагает за основу своего рационализма взять принцип декартовского сомнения и сделать его абсолютным: высшим достижением рациональности полагается осознание человеком пределов рациональности. Тулмин призывает не создавать идолов из Истины или Реальности, всегда помнить о изменчивости и непостоянстве любых «абсолютных» истин и идеалов. Тулмин также полагает, что ученые не должны обольщаться и изолировать науку от всей остальной культуры, от общества в целом, они должны понимать, что наука как часть более крупного образования, не может не испытывать на себе его влияния. Нужно понимать и не отмахиваться от того очевидного факта, что наука является социально обусловленным феноменом человеческой культуры, и при всей своей объективности, она тоже несет на себе отпечаток субъективности, потому что делают ее люди, а не автоматы.

Итак, подведем итог нашим рассуждениям. В нашей статье мы рассмотрели две основополагающие точки зрения, а именно философский монизм в лице реализма и философский плюрализм в лице релятивизма. В качестве представителя первого направления мы рассмотрели Д. Сёрля, а в качестве представителя второго — Р. Рорти. При этом выдвигалась гипотеза о том, что реализм мы можем представить как тезис, а релятивизм как антитезис, тогда их синтезом будет концепция, примером которой стал для нас Х. Патнэм и частично Ст. Тулмин.

Я действительно считаю, что в терминах Д. Сёрля рациональность содержит в себе формальную и неформальную (с чем бы уже не согласился Сёрль) компоненту. Мне представляется, что формальная компонента, это вообще то, что позволяет людям общаться друг с другом, говорить на языке, выражать свои мысли, транслировать культурные ценности через столетия и километры — это и есть отличительная особенности человека как уникального биологического существа.

Но есть и неформальная составляющая рациональности, именно

благодаря ей происходят действительные изменения и трансформации нашей культуры и нашей жизни, которые не обязательно свидетельствуют о ее прогрессе, но обязательно говорят нам о некотором движении. И опять же, как не странно, именно потому, что люди могут отклоняться от нормы, быть субъективными в своих оценках, могут радоваться и печалиться, а не просто искать Истину и следовать велениям Разума, они и остаются Людьми.